

АНДРЕЙ КАНЕВ

НАХЛЫНУЛО

РАССКАЗ

На душе у Василия Туркина было беспокойно, хотя вроде бы всё шло нормально. Самолёт, летевший спецрейсом, будто завис в воздухе. Внизу облака — чего только не выстраивало из них воображение! Ребята, чумазные стреляные воробы, пьяные возвращением домой, спят. Позади осталась дружеская Махачкала, куда привезли отряд спецназа автобусом со всей амуницией и снаряжением из-под треклятого Грозного. Солнце светит в илломинатор, словно и не зима вовсе, а самое что ни на есть жаркое лето в самом разгаре.

В такие минуты бездействия всегда хочется окинуть взглядом свою жизнь, может быть, подвести какой-то итог. Подумать о будущем.

А что? В общем-то, жизнь у капитана милиции, большого и вдоль, и поперёк человека Василия Туркина, сложилась, на его взгляд, просто замечательно. По службе продвигался, вовремя получал новые звания. Заочно окончил юрфак. Мужики его уважали, а теперь, после Чечни, ещё больше зауважают, ещё уверенней начнут прислушиваться к его мнению. Год назад квартиру дали.

До этого снимал Василий почти за так дачный домик у своего начальника. Жили они тогда с женой, словно в его родной деревне. В баньке помыться, воды из колодца натаскать, звонких на морозе дров поколоть, тишину ночную, полную загадочных шорохов послушать — это ли не наслаждение

КАНЕВ Андрей Валерьевич родился в 1963 году в п. Ачим Княжпогостского района Республики Коми. Окончил филфак Сыктывкарского университета и аспирантуру при Коми научном центре УрО РАН. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Член Российской ассоциации ветеранов боевых действий МВД и внутренних войск. Лауреат Лермонтовской литературной премии патриотической поэзии. Член Союза писателей России. Живет и работает в Сыктывкаре.

и счастье для него, сельского паренька! Одно плохо — далеко на службу добираться, двумя автобусами. Да, ему-то что, проезд всё равно бесплатный, а раньше встать на часок не сложно, а только в радость.

С женой Василию крупно повезло. И красивая, и хозяйственная. Поначалу, конечно, попробовала, было, повыступать, но Туркин сумел ей показать, кто в доме хозяин. Мужчина, если он настоящий мужик, и должен быть в доме хозяином. А как он любит свою Ольгу — словами не расскажешь. Он себе без неё и минуты жизни представить не мог. Да и в редкой семье такое бывает, что вот уже пятый год живут вместе, а он всё, словно сумасшедший, не может на неё спокойно смотреть.

Туркин денег с собой везёт — ей столько и не снилось. Первым делом купит ей хорошую шубу, шапку и сапоги в фасон. Пусть его куколка будет по настоящему упакована. Хватит жаться. Теперь деньги есть, получил “боевые”. Нужно будет — ещё съездит в командировку и подзаработает.

Мечтал ли он, в недавнем прошлом обычный деревенский мальчишка, о такой замечательной жизни, выстроенной им самим собственными руками в чужом городе? Конечно же, нет. Подумав обо всём об этом, Василий остался горд собой.

Через несколько часов полёта в шесть утра самолёт сел в морозном городе.

Командир отряда спецназа Василий Туркин отрапортовал встречавшим из управления внутренних дел о выполнении поставленной задачи, о том, что весь личный состав жив и здоров. После чего дал команду своим орлам разгрузиться и ехать на базу. Дела шли — не придерёшься, но на душе всё равно было почему-то беспокойно.

Может, что с Ольгой стряслось? С его любимой жёнущкой, пока он был на Кавказе, игрался в аты-баты, беда приключилась?

Он вспомнил последний разговор с ней по телефону, прошептал:

— Да нет, вроде бы всё было в полном ажуре...

Ждёт, любит и прочее. А что ещё положено делать жене боевого офицера, когда он в командировке в зоне вооружённого конфликта выполняет свой долг по восстановлению конституционного порядка на территории страны, за что ему, между прочим, зарплату платят.

Через полчаса, расквитавшись с делами, Туркин уже летел к своему дому на отрядной “буханке”.

Одним махом взлетев на третий этаж, он отомкнул дверь своим ключом. В квартире пахло родным теплом и уютом. Как же он всё-таки истосковался по дражайшей своей половине! Оставив рюкзак в прихожей, Василий заглянул в спальню. Ольга ещё спала. Она лежала на левом боку, и правая нога выпросталась из-под одеяла. Увидев эту голую красивую ногу, Туркин чуть не задохнулся от нахлынувшего на него чувства восхищения и желания. Словно в детстве накрыла его с головой волна от катера-“водомётки”: и страшно, и восторгу нет предела...

Он стал лихорадочно стаскивать с себя грязное, пропитанное известняковой пылью камуфлированное хламьё. Потом замер на минуту.

— Милая моя, солнышко моё... — шепот вышел хриплым и прерывистым.

И как был, терпко пахнувший окопом, так и нырнул к ней под одеяло — в тепло и уют домашнего очага.

Очнулся Василий от сна уже ближе к полудню. Жена была на работе. Он смутно помнил, как она уходила. Счастливо улыбаясь, — много ли мужику, в принципе, надо! — прокрутил в голове сладкие минуты встречи с полусонной Ольгой. Её отчаянные вопли, пока она не поняла, что это не кто-то другой, а её собственный муж вернулся с войны.

По радио передавали песню:

*...дорога, дорога,
осталось немного,
мы скоро вернемся домой...*

Быстро вскочил с постели и направился в душ. Затем с удовольствием заглотив найденные на кухне “домашние коврижки”, накатив под них на грудь стакан привезённого с собой дербентского коньяка. Песня о дороге продолжала сотрясать воздух вокруг него.

Ещё одна горячая волна нахлынула на Туркина. Он поёжился и вспомнил свои страхи-переполюхи, сумасшедшую стрельбу в городских развалинах... Он выпил ещё полстакана и вдруг заметил подоткнутую под телевизор на холодильнике голубенькую тетрадку. Некоторое время Василий сидел и тупо смотрел на неё. Хотя выпитое согрело его изнутри, на душе всё одно было как-то беспокойно.

Туркин протянул руку, раскрыл тетрадку где-то посредине и стал читать слова, написанные Олиным ровным почерком...

“О, Господи, нахлынуло на меня, как малолетняя дура, сижу и пишу дневник. А как жить по-другому? Кому ещё расскажешь?”

Вот вчера, например, приснилась большая белая крыса. Большая хитрая белая крыса. Крысы — это почти единственное, чего я панически боюсь, то есть боюсь так, что перестаю соображать, что я делаю и говорю. Так вот, эта большая толсто-гладкая белая ухожженная крыса с наглыми глазами непонятого цвета — то чёрными, то красными, то зелёно-голубыми, то прозрачными — и длинным нежно-розовым хвостом вилась вокруг меня полночи, она снилась мне непрерывно, в разных сюжетах, размерах и возрастах. Похоже, у неё была основная цель: укусить меня в руку, точнее, в то место, где у некоторых бывают оспины от прививки. Это очень нежное место наверно, было бы ужасно больно, если бы она всё-таки вцепилась в меня.

Фрейд, которого я недавно читала, уверяет, что сны — это зашифрованные тайные мысли и желания и что непременно надо их расшифровать, а то хуже будет. Ну, хорошо. Крыса. Ассоциация какая? Деревянный дачный домик, который мы снимали, когда поженились. Мебели почти не было. На полу лежал матрас, а под полом ходили крысы. Не всегда, но ходили. Иногда они дрались и очень громко при этом пищали, почти визжали, иногда принимались грызть в том месте, где на полу стояла провизия.

Когда приходили крысы, у меня ноги холодели от ужаса. Мне казалось, что ещё секунда — и они прорвутся через какую-нибудь щель и понесутся по полу, а я лежу на матрасе, и мне даже вскочить некуда — стола нет, а на табуретку и им выпрыгнуть нетрудно.

Я проклинала их, я проклинала мужа, который не в состоянии был защитить меня от этого кошмара. Более того, он не понимал меня. Он думал, что я фиглярствую. Он бросал тапку в то место, где они скреблись. Иногда это помогало, они уходили, чтобы вернуться через час.

Мы не могли купить мебель, потому что расплачивались с долгами. Долги были свадебные. У других после свадьбы деньги есть — те, которые подарили, а у нас — долги. Мои родители решили просто:

— Мы тебе денег дарить не будем, — это папа.

А мама добавила:

— Лучше мы тебя оденем с ног до головы и хорошую свадьбу справим...

Одеть им меня не удалось, но приодели, конечно. И свадьбу справили. Было весело. Только Вася быстро напился...

Ну, а у мужа-то отца нет, одна мать. Да и ту сыночек уж давно высосал. А гонору-то — вагон! Ну, он и давай занимать и в свадьбу вкладывать. Друзей-ментов приглашал... Потом у него не то что костюмов — трусов-носок не было. Одни сушит, другие носит. Короче, он решил, что для семьи полезно будет, если он тоже приоденется. Снова занял.

Все мои родственники дарили вещи — видно, мать надоумила: молодые, мол, на ветер деньги-то пустят. У него из родственников — мать да тётка, вот и всё. Мать немного ещё до свадьбы дала, а тётка двести рублей подарила. Друзья его... Они в наглую, без подарков явились. Нет, я ничего не прошу, но свадьба-то отгремела, отплясала, а на третий день выяснилось... Я-то, наивная, и думать не думала, что Вася всем своим друзьям понемногу, но должен.

Как отдавать-то? У него зарплата ерундовая, у меня тоже — бюджетники оба. Мои родители всё, что могли, на меня уже потратили. У его матери пенсия — птичка-невеличка... Я чуть не плачу, а он то смеется, то злится. Подумаешь, говорит, это что, деньги, что ли? Деньги — не деньги, а год отдавали.

Васина мать телёнка сдаст, деньги пришлёт — отдаём. Мои подкинут — свои добавим и несём из дома, потому и был дом — не дом. Матрасы да коробки, да две старых табуретки. Не в коробках, конечно, дело. Обидно страшно. Да за те деньги гарнитур купить можно было...

Когда крысы приходили, я всё время это вспоминала”.

...К двум часам дня за окном начало темнеть. О чём-то бормотало радио. На стене громко тикали часы домиком. Василию всё труднее становилось разбирать написанное.

Он распрямил спину:

— Чего ей теперь-то не хватает? И деньги все домой несу, и получаю сейчас прилично, и квартиру от МВД дали... Живи да радуйся, дура...

Он, капитан милицейского спецназа Васька Туркин, — плохой мужик, что ли? Чего бабе не хватает?

Туркин встал, отложив ненавистную тетрадь. Включил на кухне свет и, присев на табурет, снова стал угрюмо шевелить губами, вчитываясь в написанные Ольгиной рукой строки.

“Ну, это я отвлеклась. Это всё с крысами связано. Но почему эта белая была? Опять, что ли, с Васькой связано? Васька у меня белый, блондинистый, красивый. Я его, когда на дискотеку пришла, — чуть вошла — сразу увидела. Он среди остальных мужиков, как белая среди серых крыс стоял. Он сейчас, правда, толстый стал. Ага, и крыса толстая была, ухоженная... Точно — Васька! Выходила-выходила я его, вынежила...”

Дуры мы, бабы. Вместо того чтобы себя любить-тешить, мужиков тешим, себя — по боку. А потом в крик-плач:

— Изменил!..

Или вообще ушёл.

Да так нам и надо. Иной раз смотришь: был сморчок занюханный, а женился — стал ходить бстиранный, кормленный, удовлетворённый. Приодели его, обласкали. Волосы, глядишь, у него распушились, плечи расправились, взор затвердел. И тут же бабы одинокие, да и не очень одинокие стали липнуть... И увели.

А женщину вы хоть одну видели, которая бы после замужества расцвела? И не увидите. Сумки-сетки, кастрюли-сковородки, полы-ковры, носки-рубашки, пелёнки-распашонки, соски-коляски...

Руки красные, лицо землистое, волосы жидкие, рот нервный. И уведут, уведут мужа-то...

Как хорошо писать, валяясь в постели! Всё. Встану сейчас, в баню, нет — в сауну пойду. Одна. Потом маникюр пойду сделаю, плевать, что дорого, муж дороже. Обед сегодня готовить не буду, потерплю. На днях вернётся из командировки, веди, скажу, меня, Васенька, в ресторан обедать. Он, конечно, начнёт то да сё, долго да дорого. Если честно, то он на себя только щедрый, а на меня скупой. Вот на этом я его и поймаю. Неужели, скажу, ты себе за всю военную поездку не заработал гробовых-окопных на один хороший обед в воскресенье? Сможешь же ты, скажу, в конце концов, позволить себе один разок в неделю хорошо поесть. Пойдёт как миленький, никуда не денется.

Замечательно, что его так долго нет. Сейчас бы он проснулся и приставать начал. А я не хочу. Ему всё время надо. В любом месте и в любое время. Лишь бы было десять свободных минут. А я так не могу. Мне сначала успокоиться надо, расслабиться, настроиться! А Васька не понимает, злится, холодная, говорит. А если я отказываю, вообще свирепеет, скандалы устраивает, фригидной обзывает.

Одно время занялся моим сексуальным воспитанием и просвещением. Книжки всякие приносил, брошюрки с картинками. Фрейда тогда принёс,

потому что ему сказал кто-то, что это про секс. Но там про секс ничего и не было, трудно сказать, про что было, медицина какая-то. Но вот про сны я поняла, и мне понравилось.

Нет, это неправда, что я фригидная. Ведь я его так хотела раньше! Я его сразу захотела, как увидела тогда, на танцах. Прямо вместо крови кипятков по жилам побежал...

Наверно, это тогда началось, когда я ему в первый раз отказала. Говорю:

— Устала я, Васенька, не хочется мне...

Действительно, день был трудный. А он дальше лезет:

— Не хочешь. Так я силой!..

Смех смехом, а в общем-то так на самом деле и вышло. Мне больно было. Я разозлилась. Он тоже расчиховался, стал права качать:

— Ты мне жена, ты должна!

Пошёл на кухню и мою любимую чашку разбил. Потом ещё так было пару раз. Я не выдержала и что-то очень обидное ему сказала, а он меня в ответ по лицу ударил. Затем долго-долго извинялся, не хотел, мол, говорит. Две недели ходил тихий. Но я с тех пор этих скандалов стала бояться. И врать, и терпеть. “Всего лишь немного потерпеть”, — так говорила старуха в фильме “Легенда о Нараяме”, на который меня Васька в целях посвящения водил.

С тех пор со мной что-то произошло. Будто мне в живот положили холодный камень. От этого, наверное, и забеременеть не могу. Да сейчас это и к лучшему. Какие нынче дети?

Да. Эта крыса точно Васька был. Хвост её длинный, розовый, ненавистный — точно, как у него одно место. И вилась она вокруг меня так настойчиво, так нагло, укусить хотела... Ну, точно он вьётся, когда ему очередной раз хочется.

Но почему туда, где оспа? Ведь у меня оспы нет. Оспы у меня нет потому, что мне все прививки врачи отменили. Какую-то одну сделали, я чуть не умерла. Аллергия какая-то, оказалась, наследственная.

Стоп. Так это что же получается? Что же это за мысль такая зашифрованная? Муж мой — крыса разжиревшая, поганая, укусить хочет, то есть отыметь меня, а в этом укусе прививка, то есть смерть моя. То есть мысль моя в чистом виде такая, что боюсь я панически и ненавижу смертельно я мужа моего. А он меня насмерть заездить хочет.

Ой, мамочки мои родные! Может, я чего прочла неправильно иль не так расшифровала? Как же я теперь с такой мыслью жить буду? Не разводиться же мне теперь из-за Фрейда, дурака, наркомана старого? Да и как разводиться? Что я в суде скажу? Не пьёт, не курит, деньги домой носит, не изменяет даже! Да как разводиться, я ж его люблю... вроде бы”.

...Написанное было датировано вчерашним числом. Василий захлопнул дневник и сунул его туда, где взял. Столько боли и обиды нахлынуло на него, что Туркин подумал: “Вот сейчас лопнет сердце...” Но оно не лопнуло.

На кухне радиодиктор говорил о том, что скоро морозы в далёкой Москве пойдут на убыль.

Василий огляделся. В никелированном чайнике отразилось его лицо, неузнаваемо искажённое пузатым боком.

— Действительно, крыса... белая... — прошептал он и заплакал.